

М. В. ЛОМОНОСОВ В ОДАХ 1762 г.

С. Н. Чернов

Императрица Елизавета умирала долго и мучительно, умирала в пору сильного обострения внутренних отношений и сложнейшего переплета внешних дел, при доказанной негодности правительственного аппарата для удовлетворения текущих запросов и нужд повседневной действительности, а тем более для тех грандиозных работ, без которых нельзя было облегчить тяжелый кризис расстроенного государственного хозяйства, финансовых недостатков, острого брожения начинавшего восставать крестьянства, тяжелого дворянского ропота, затянувшейся неудачной войны и общей связанности страны системой союзов в делах Средней и Западной Европы.

Положение осложнялось вопросом о престолонаследии, так как давно объявленный императрицею преемник совершенно не отвечал настроению и интересам придворных и бюрократических дельцов елизаветинского царствования, и необходимость его устранения от престола была совершенно ясна для их основной и определяющей группы. Однако в глубоком сплетении запутанных отношений этой группы, при сильном расхождении составляющих ее частей по основным вопросам внутренней политики, и при очевидной оторванности группы от рядовой дворянской массы, — в ней не нашлось ни общих лозунгов, ни решимости на «превентивный» переворот. И новый император спокойно взшел на престол и сразу же начал по новому ворочать «колесо истории».

Надо прямо сказать, что его политика, в ее основном содержании, гораздо более соответствовала интересам рядового дворянства, чем деятельность оторвавшейся от этой решающей силы правительственной среды последних лет Елизаветы, крупнейших землевладельцев и привилегированных откупщиков-монополистов. Но основная линия его внешней политики, в общем отвечавшая интересам широкой дворянской массы, не подымавшейся

в своей повседневной хозяйственной работе до мыслей о продуманной организации торгово-промышленной политики, с ее сложнейшими проблемами ввоза и вывоза, торговых пугей, гараней и рынков, имела своеобразный голштинский *specificum*, подчинявший русскую политику прусской и вовлекавший Россию в новую войну с Данией: одно оскорбляло дворянский национализм, гордый победами над первым полководцем своего времени, другое вновь отрывало широкие дворянские массы от хозяйства и семьи для военной службы в далеких местах. А идея крупной культурной реформы, углубленного и расширенного повторения сложных мероприятий его деда Петра «Великого» в делах церкви, веры, народного быта и самосознания, не могла не задевать дворянского национализма, — тем более, что образцом реформы бралась фактически побежденная Пруссия. Впрочем, идея этой реформы должна была не только обижать, но и тревожить широкие дворянские круги: ведь решительные перемены в делах веры и церкви могли или до чрезвычайности обострить недовольство миллионных крестьянских масс, или дать им, помимо воли инициаторов реформы новые толчки и лозунги к мыслям о свободе: и в том и в другом случае разрозненные крестьянские движения этих десятилетий могли смениться мощным, все сметающим взрывом всей уже глухо бурлящей крестьянской массы.

Молодой император в долгую свою бытность великим князем имел достаточно времени и возможностей обдумать свою и внешнюю и внутреннюю политику. Вероятно, еще тогда он учел недовольство, которое вызовет его деятельность в дворянской среде; вероятно, еще тогда ему была подсказана мысль ослабить роль дворянства в армии и гвардии актом предоставления ему «вольности» служить или не служить. И тогда же, вероятно, было решено фактически заменить отпускаемых со службы дворян голштинскими войсками императора и реорганизовать русскую армию на прусский образец, сделав ее таким образом более послушным орудием в руках императора и высшего командования. Но при этом приходилось не только опять задеть дворянский национализм, но и сделать нечто гораздо большее: ударить основную дворянскую массу по службе, которая ее обеспечивала, создав ей сильнейшую немецкую конкуренцию, что, конечно, не могло не озлобить рядовое дворянство еще сильнее, чем его озлобляли другие меры Петра III, не могло не встревожить его еще более, чем они его тревожили. Ответом Петра III на

дворянские тревоги и озлобление мог быть лишь террор. Петр и встал на этот путь, демонстративно прокламировав его невозможность «уничтожением» Тайной канцелярии.

Дворянство же, встревоженное и озлобленное, нашло себе организационный центр и знамя восстания возле Петра III, в его дворце, — в лице его жены Екатерины.

Время Петра III, пора тревог и озлобления в дворянской среде, было трудным и для молодого дворянина из старого поморского мужичьего рода, академика, художника и поэта М. В. Ломоносова. Только его отношение к Петру III строилось и определялось не по общедворянской линии, а по линии, если можно так выразиться, разночинного интеллигента из мелкой буржуазии, прочно, хотя и медленно растающего в ряд средних по достатку буржуазных кругов, одворяненного службою, усвоившего дворянский быт, но внутренне остающегося чужим дворянской среде.¹

Положение М. В. Ломоносова при Петре III оказалось и оставалось трудным главным образом по двум причинам. Во-первых, поколебалась та правительственная среда, с которою он был прочно связан всею своею деятельностью, — круг Шуваловых. Правда, Шуваловы оставались на верхних ступенях административной и дворцовой лестницы, но их реальное значение упало; то же случилось и с Воронцовым. Во-вторых, ориентация императора на Голштинию и Пруссию и связанный с нею поворот всей его внешней политики, его идея расширения и углубления культурной реформы Петра I и первые его шаги в этом направлении и, наконец, его попытка строить военную силу империи на прусский образец, с заменю немцами офицеров из русского дворянства, при параллельном внедрении немцев в весь бюрократический аппарат государства, не могла не иметь своих отзвуков и в Академии Наук, где муть русско-немецких отношений, весьма сложных по своему составу и характеру, к этому времени достигла очень большого напряжения. Если ослабление Шуваловых и Воронцова, в их реальном правительственном значении, колебало положение М. В. Ломоносова и в Академии Наук, и вне ее, то коренное изменение в ряде моментов внутренней и между-

¹ Отлагая до будущего исследования, на более широкой базе источников, общее изображение социально-политических настроений и взглядов М. В. Ломоносова, остановлюсь в настоящей статье на рассмотрении двух его од 1762 г. — Петру III и Екатерине II как источников для изучения его социально-политической идеологии.

народной политики должно было его совершенно обезоружить: как было продолжать бороться с немцами в Академии и строить новую русскую культуру на базе органического сочетания многовековой западной культуры со старою русскою, когда вне Академии везде торжествовали немцы, тесня русских и перестраивая на свой лад и русскую внешнюю политику, и армию, и все, — даже церковь и веру? Положение казалось заранее проигранным; самочувствие невольно делалось тяжелым.

Императрица Елизавета умерла почти в самом конце 1761 г. — 25 декабря, процарствовав 20 лет и 1 месяц. М. В. Ломоносов, который все время ее долгого царствования «пел» ее так же усердно и льстиво, как и ее предшественников, и только за месяц перед ее кончиною выступил с новою пышною одою в ее честь, теперь, после ее смерти, стоял перед задачей славить нового, молодого императора Петра III Феодоровича.

В самом начале 1762 г. М. В. Ломоносов и выступил с одою в его честь.¹

Эта ода во многих отношениях замечательна. Начать с того, что М. В. Ломоносов, не почтив перед этим память Елизаветы, которую он так долго и пышно «пел», ни одним специальным стихотворением, был, казалось, должен в оде ее преемнику найти место для выражения своей печали. Между тем этого, в сущности говоря, нет.

Только в первой строфе звучат и то уже преоборенные новою радостью, ноты сожаления об императрице Елизавете:

«Сияй, о новый год, прекрасно,
Сквозь густоту печальных тучь:
Прошло затмение ужасно,
Умножь, умнсьжь отрады лучь.
Уже плачевная утрата
Дрожайшая сокровищ злата
Сугубо нам возвращена»...

Но ода целиком посвящена не печали, а торжеству, не смерти Елизаветы, а восшествию на престол Петра III. И если Елизавета фигурирует в ней и далее I строфы, то совсем не в качестве оплакиваемой героини, а лишь в скромной роли участницы

¹ «Сочинения М. В. Ломоносова с объяснительными примечаниями акад. М. И. Сухомлинова», изд. Акад. Наук, т. II, СПб., 1893, стр. 235—244 и (примечания!) 333—337; ода Екатерине II — стр. 245—54 и 337—345.

торжества Петра III и той отправной точки в прошлом, идя от которой в будущее, легче всего было намечать пути царствования нового императора.

В связи с этим небезинтересно, что, намечая пути своего правления, Петр III сказал сам о себе в своем первом же манифесте «Мы, навывкнув ее императорского величества бесприклавному великодушию в правительстве, за главное правило поставляем: владея всероссийским престолом, во всем подражать, как ее величества щедротам и милосердию, так во всем последовать стопам премудрого государя деда нашего императора Петра Великого, и тем восстановить благоденствие верноподданных нам сынов Российских»,¹ — т. е. сам Петр III признал в своем манифесте своим моральным образцом Елизавету и политическим — ее отца, своего деда, Петра «Великого».

Тем большее значение должно иметь, что поэт делает оценку всего царствования, всей деятельности и даже самой личности Елизаветы устами «духа Петрова» — «духа» Петра «Великого». Эта поэтическая речь «духа Петрова» к Елизавете изображает заслуги, по которым она «жить с бессмертными достойна».

В перечне этих «заслуг» переплелись моменты разного характера: личные добродетели Елизаветы, ее заслуги персонально перед Петром III и перед «домом Петровым» и, наконец, ее политические стремления и достижения. В последнем кругу поэтом отмечены политика «льгот» и щедрости внутри страны, заботы о Петербурге, расширение государства, удачная эксплуатация производительных сил страны, увеличение населения, покровительство науке, удачная и справедливая внешняя политика, увенчанная победною войной. Но при этом следует отметить, что выше политических заслуг Елизаветы М. В. Ломоносов провозглашает удачное устроение ею личной жизни Петра III браком его с Екатериною (строфы 8—12).

Что касается Петра I, как действующего лица оды и объявленного Петром III своего образца, то он — и официальный герой царствующего дома, и идеологическое знамя, и поэтический кумир М. В. Ломоносова, политическое «божество» его новой России. В соответствии с этим, и российская императорская фамилия, русский царствующий дом — прежде всего «дом Петров»,

¹ ПСЗ, XV, № 11, 390, стр. 875. Очень характерно, что Петр III соби-
рался «восстановить благоденствие... сынов Российских»; стало быть, он
для времени Елизаветы считал его в упадке, не восстановленным.

в полноте прав своего «великого» основателя и в целостном объеме унаследованных от него грандиозных обязанностей; а императрица Елизавета — «Петрова дочь», продолжательница его державного дела; гораздо большее в этой оде — новый император Петр III: он не только внук Петра «Великого», но и сам вернувшийся на землю «Петр Великий». Это как бы особенно подчеркивается уже используемым в оде совпадением в именах его жены и сына — Екатерина и Павел — с именем жены и двух сыновей (добрачного и «царевича» — оба от Екатерины) его деда (строфы 1—2). Ломоносов, приветствуя нового императора, демонстративно подчеркивал:

«Сияй, о новый год, прекрасно . . .

. . . . .
 Благополучны мы стократно;
 Петра Великого обратно
 Встречает Росская страна».

И тотчас же далее, в начале второй строфы:

«Петра воздвиг с Екатериной
 И с Павлом; о драгой залог!
 Послал нам радость за судьбиной
 В щедротах неизмерный Бог».

И снова подтверждает свое провозглашение:

«Орел великий обновился,
 На высоте своей явился,
 И над Европою парит».

При этом поэт подчеркивает, что молодого императора, именно, как «Петра Великого», готовила своей стране Елизавета (строфа 3):

«Чтоб был для Россов счастья, славы,
 Без пресечения державы,
 Великий Петр во веки жив».

И в полном соответствии с этим поэт влагает в уста умершей императрицы признание грядущего торжества (строфа 5):

«И ныне отхожу с покоем,
 Отечество Тобой Героем
 Превыше будет всех держав».

Мудрено ли, что далее молодой император оказался Самсеном, Давидом и Соломоном, вместе взятыми? Мудрено ли и другое, что он . . . — раз он, действительно, «Петр Великий» — стоит выше и стоит больше, чем Елизавета. По крайней мере, поэт в первой же строфе отметил его превосходство перед только-что умершей теткой:

«Уже плачевная утрата,
Дражайшая сокровищ злата
Сугубо нам возвращена»,

говорит он, поясняя, что на смену «Дщери Петровой» в лице ее наследника пришел на землю и взошел на русский престол сам «Петр Великий» . . .

Учитывая это, надо посмотреть, как дух старого, настоящего Петра I рисовал программу деятельности нового, уподобляющегося и уподобляемого ему.

В речи «духа Петрова» к Елизавете действия нового императора рассматриваются, как прямое и последовательное продолжение ее политики: каждый пункт будущей политики Петра III сопоставлен и связан с соответственным пунктом минувшей политики Елизаветы; таково уже общее установление основных начал его политики: Елизавета, по строфе 9,

«Великодушия, щедроты
И мужества дала пример:
Чтоб руку Он к своим для льготы
И меч против врагов простер», —

как, в основу его внутренней деятельности кладется политика «великодушия», «щедрот» и «льгот», а в основу внешней — мужественная борьба с врагами, и там и здесь продолжение ее политики.

Что касается внутренней политики, то здесь прежде всего отмечена необходимость продолжения забот об устройении Петербурга Елизаветой: он «будет выше древних див» (строфа 9).

Более общие задачи внутренней политики сформулированы с морально-религиозной точки зрения (строфа 10).

Надо полагать, что автор хочет рекомендовать новому правительству позаботиться о сельском хозяйстве и рудном деле, о том, чтобы скольконибудь увеличить количество населения в огромной стране. При этом следует считать, что Ломоносов

ученый, человек, учившийся на Западе, усвоивший установки ученых-«полицистов» своего времени, считал основой развития ряда отраслей государственной жизни в первую очередь науку, технику. Не даром в строфе 11 он сказал:

«Ты награждала всем науки;
И он щедротой оживит,
Искусством обученны руки
Снабдит, умножит, просветит».

Но в концепции поэта развитие научной и технической деятельности в стране должно помочь также активной внешней политике молодого императора, — по крайней мере, вслед за словами о науке и технике он тотчас же поместил пункт об успехах на войне. Очевидно, в его сознании эти успехи также должны были базироваться на дальнейших достижениях науки и техники, — и, с другой стороны, внешняя политика определяла во многом ведущие линии деятельности царского правительства в середине XVIII века. Сложная ситуация семилетней войны поставила вопросы внешнеполитической ориентации русского двора в центре внимания, и Ломоносов не мог не отразить этот вопрос и в данном месте оды.

В области внешней политики речь «духа Петрова» ставит основной задачей нового императора удержание завоеваний Елизаветы (строфа 9):

«Пределы Ты распространила;
Его благословенна сила
Поставит, вечно утвердив».

Это сказано, конечно, не только о приобретениях Елизаветы в Шведской войне, а и в Пруссии, которую Россия заняла во время Семилетней войны. Еще явственнее это в следующих словах «духа Петрова» (строфа 11):

«Конец своей положит власти,
Где знак стоит твоих побед».

Но здесь же речь «духа Петрова» указывает и верный путь к удержанию завоеваний Елизаветы:

«Он постыдит, как Ты, злодеев.
Оставлен посреде трофеев,
До облак оны вознесет».

Это — путь новых побед. Недаром несколько выше «дух Петров» ожидает, «чтоб... он», т. е. Петр III, «с меч против врагов простер». Итак, «дух Петров» рекомендует путь новых побед для удержания старых завоеваний. Побед для захвата новых территорий он не требует, да и захватывать их нигде не советует.

К очередным программным вопросам внутренней и внешней политики поэт подходит в своей оде и за пределами речи «духа Петрова».

Нарисовав в 14 и 15 строфах оды хотя и в кратких очерзаниях, но выразительную и пышную картину «неба» на русской «земле», поэт переходит к изображению места России среди других держав. Нельзя не согласиться с тем, что оно сделано очень искусно и тонко.

Изображение неожиданно начинается с пышных перспектив русской восточной политики (строфа 16):

«Там мерзлыми шумит крилами
Отец густых снегов борей
И отворяет ход меж льдами
Дать воле путь в восток Твоей:
Чтоб Хины, Инды, и Японы
Подверглись под Твои законы.
Тебе от верной глубины
Руками плещут воды белы».

Этот отрывок представляет интерес в двух отношениях. Во-первых, он возвещает агрессивную политику на Дальнем и «Среднем» Востоке против Китая («хины»), Японии («японы») и англичан в Индии («инды»). Во-вторых, он намечает совершенно необычный морской путь войны:

«... борей
... отворяет ход меж льдами
Дать воле путь в восток Твоей»...

и означает отправной пункт экспедиции — Беломорский порт Архангельск:

«Тебе от верной глубины
Руками плещут воды белы».

Здесь полная определенность огромной военно-политической агрессии. Гораздо менее ясна картина будущих отношений на Западе (замечательные образами строфы 16—20):

«... Ликуют Западные пределы,
Предвидя счастье войны.

Европа ныне восхищенна
Внимая смотрит на Восток,
И ожидает изумленна,
Какой определит ей рок.
То видит зрак Твой пред полками
Подобный Марсу меж врагами;
То представляет общей пир,
Отрады ради утомленных,
Избавы ради раззоренных,
Тобою обновленный мир.

Когда по глубине неверной
К неведомым брегам пловец
Спешит по дальности безмерной;
И не является конец;
Прилежно смотрит птиц полеты,
В воде и в воздухе приметы.
И как уж томную главу
На брег желанный полагает,
В слезах от радости лобзает
Песок и мягкую траву.

Гермакия сему подобно
По собственной крови плывет
Во время смутно, неспособно,
Конца своих не видит бед;
На Фарос сил Твоих взирает,
К Тебе дорогу направляет,
Тебе себя в покров отдать.
В согласии желает стройном,
В Твоем пристанище спокойном,
Оливны ветви целовать.

Тогда по славнейших победах,
Как общий ускоришь покой,
Пребудешь знатнейший в соседах
Прехвален миром и войной».

В этих строках — две картины: общая и частная. Первая обрамляет вторую — в начале тем, что есть, в конце тем, что будет: тревожным ожиданием Европы, «какой определит ей рок» молодой русский император, и его уже совершившимся полным торжеством.

В начале отрывка поэт говорит, что Европа пока еще совсем не знает, как будет действовать Петр III: будет ли он продолжать войну с Пруссией, или же, наоборот, заключит с нею мир. Сам поэт, кажется, дает понять, что скорее надо ждать последнего — он выражается «обновленного мира», тонко внушая это и самым размещением частей (о возможности заключения мира сказал на втором, последнем месте!) и самую соблазнительную красочностью образов:

«Отрады ради утомленных,
Избавы ради разоренных,
Тобою обновленный мир»

— к тому же образов, морально оправдывающих грядущее заключение мира, дающих ему моральную мотивировку...

Что же касается частной картины, то если уже мотивировка грядущего мира оправдывает и подкупает читателя, то помещаемый сейчас же далее образ «пловца» в его тяжелой беде и «томной» радости должен пробуждать в читателе живое чувство сострадания к несчастному, а упоминание тотчас вслед за тем о Германии — дать определенное политическое направление его чувству и мысли, меж тем как самая характеристика положения Германии, ее военной и государственной слабости, ее готовности не только на мир с могучей Россией, но и на полное политическое ей подчинение, на вхождение в ее политический фарватер, должно окончательно выяснить читателю ценность предстоящего мира: это и требования гуманности и холодный политический расчет...

Итак, и Европа и Россия должны ждать не продолжения войны, а заключения мира, для Пруссии и всей Германии спасительного, для России морально-справедливого и политически выгодного, для Европы, конечно, желанного.

Это и есть то «счастье войны», о котором сказано в самом начале отрывка, что, его «предвидя», ликуют «западные пределы» империи.

Но как же тогда, в свете этого заключения, надо понять последние слова изучаемого отрывка:

«Тогда по славнейших победах,
Как общий ускорись покой,
Пребудешь знатнейший в соседах,
Прехвален миром и войной?»

Чтобы ответить на этот вопрос, прежде всего присмотримся к тому, как М. В. Ломоносов в эпоху участия России в Семилетней войне вообще относился к проблемам «войны и мира».

Поэт умел «петь» войну, но он предпочитал «петь» не ее, а мир. Об его настоящем отношении к войне, думается, лучше всего свидетельствует его стихотворение «Доколе счастье ты венцами злодеев будешь украшать», — пусть переводное (Руссо — «На счастье»), но безусловно отвечающее подличному настроению поэта: ведь иначе он мог бы его и не переводить, хотя бы и на конкурсе с Сумароковым.¹

Зато подлинною жаждою мира проникнуты все его стихотворения. Я имею здесь в виду не столько его мирные высказывания в одах 1757—1761 гг., во время участия России в Семилетней войне, сколько общий тон всей его поэтической деятельности.

Что же касается первых, то они, при всей несомненной личной общей настроенности поэта к миру и мирной деятельности, носят ярко выраженный политический характер. Так, в оде 1757 г. на рождение Анны Петровны поэт восклицает (строфа 5):

«Умолкни ныне брань кровава»,

¹ Сочинения, II, стр. 168 и сл., примеч. 245—59. Впрочем, в одном из своих стихотворений военного времени (ода 1761 г.) он дал, так сказать, и «оправдание» войны (строфы 12 и 13):

«Необходимая судьба
Во всех народах положила,
Лабы военная труба
Унылых к бодрости будила,
Чтоб в недрах мягкой тишины
Не заведи водам равны,
Что вокруг защищены горами.
Дубравой, неподвижны спят,
И под ленивыми листьями
Презренной произволят гад.

Война плоды свои растит,
Героев в мир раждает славных,
Обширных областей есть щит
Могущество крепит Державных».

заверяет, что «всех... побед» «приятнее», «больше радость» «больше слава», сознание,

«Что Петр в наследии живет,
Что Дщерь на троне зрит Россия»,

и восклицает: «На что державы Ей чужие!» «Ей» — несомненно императрице, «дщери» императора Петра I. Все это, конечно, не только гиперболическое выражение верноподданнейших чувств и столь же гиперболическая лесть, но и очень определенное политическое выступление во славу «дома Петрова» и русского бескорыстия в войне. Определенно политические выступления заметны и в других аналогичных случаях. Например, ожидание мира отражено в строфах 22—24 оды Ломоносова 1759 г.

«Коль тщетно пышное упорство
Надеясь на свое проворство
Сбирает беглые полки;
В пределы кроткого зефира
Златого не приемлет мира:
Еще кровавой ждет реки.

С верхов цветущего Парнасса,
Смотря на рвение сердец,
Мы ждем желаемого гласа:
„Еще победа, и конец,
Конец губительных брани.
О Боже, Мира Бог, восстани,
Всеобщу к нам любовь пролей,
По имени Петровой Дщери
Военны запечатай двери,
Питай нас тишиной Твоей“.

«Иль мало смертны мы родились,
И должны удвоить свой тлен.
Еще ль мы мало утомились
Житейских тягостью бремен.
Возри на плачь осиротевших,
Возри на слезы престаревших,
Возри на кровь рабов Твоих.
К Тебе любовь и радость света
В сей день зовет Елисавета:
Низвергни брань с концов земных».

Поэтический смысл этого выступления поэта совершенно ясен: надо оправдать дальнейшее продолжение войны после новых побед, надо внушить мысль о том, что для желанного мира необходима еще одна — всего лишь одна, но зато решительная, победа. После нее и наступит мир с до конца разгромленным врагом, — едва ли даже не мир навсегда и между всеми народами: «Низвергни брань с концов земных».

В оде 1761 г. он так сравнивает потрясенный войной Запад и Россию (строфа 22)

«В войну кипит с землею кровь,
И суша с морем негодует;
Владеет в мирны дни любовь,
И вся натура торжествует.
Там заглушают мысли шум,
Здесь красит все довольства ум.
Се милость истинну сретает,
Воззрите, смертны, в высоту!
И правда тишину лобзает,
Я вижу вечну красоту».

И затем в строфе 23 так описывает явление «Всесильного Мира».

«Среди разгнанных мрачных бурь,
Всего пресветлее сияет,
Вокруг и злато и лазурь:
Всесильный Мир себя являет:
Оливна ветвь, лавр, слава, мечь!
Внимай подсолнечная речь:
„Петрова Дщерь вам в век залогом.
Я жив и обладает Петр,
Пребуду вечно вашим Богом,
И как Елисавета щедр“».

Здесь уже нет ни слова о необходимости для заключения мира новой победы: она — и не одна! — была после пышной и гордой оды 1759 г. и не принесла мира. Здесь о мире говорится в тоне поэтического восприятия и изображения почти стихийно надвигающегося счастья. И немудрено: это время, когда проблема мира в правительственных кругах была основной, когда вокруг нее уже велись предварительные переговоры между союзниками и противниками.

Но «речь», которою кончается ода 1761 г., заслуживает того, чтобы на ней особо остановиться. По контексту надо понимать так, что она принадлежит «Всесильному миру», который «себя являет» как раз перед моментом ее произнесения. К сожалению, ее содержание не вполне ясно. Повидимому, поэт хочет сказать от имени «Всесильного мира», что он «жив», «пребудет вечно... богом» «подсолнечной», — т. е. «вечно» будет царить в ней и при этом будет так же для нее «щедр», как Елизавета для своих русских подданных; во всем этом поэт от его имени свидетельствуется Елизаветой — очевидно, ее приведшими к явлению «Всесильного мира» победами. При таком понимании «речи» неясно, что значат слова «обладает Петр». Повидимому, мы имеем здесь очень двусмысленную ссылку на Петра I: он-де царствует («обладает») в лице своего внука, Петра, в склонности которого к заключению мира не могло быть ни у кого сомнений. Так, думается, поэт, предчувствуя недалекую смерть императрицы, уже имел в виду ее наследника и преемника и играл одинаковостью имени его и отца Елизаветы, — в частности, в сложной проблеме «войны и мира».

Естественно возникает вопрос, что же в оде Петру III является действительно соответствующим подлинной настроенности поэта?

Чтобы ближе подойти к решению этого вопроса, присмотримся к самой постановке поэтом вопроса об участии России в Семилетней войне.

В этом смысле очень интересна обширная речь Елизаветы в оде 1757 г., произнесенная ею как бы в экстазе — «в брани воспаленной вещал ее на небо дух» — и формально адресованная Богу, фактически же «концам вселенной» и более всего, конечно, ее собственной стране. Ее цель как раз — объяснение и, более того, оправдание непонятной не только широким массам, а и дворянским кругам, войны (строфа 6—8):

«Шестнатцать лет нося порфиру
Европу Я склоняла к миру
Союзами и страхом сил.

Как славны дал Ты нам победы,
Всего превыше было Мне,
Чтоб род Российской и соседы
В глубокой были тишине.
О безмятежной жизни света

Я все усердствовала лета:
 Но ныне Я скорблю душой,
 Зря бури царствам толь опасны;
 И вижу, что те несогласны
 С святой правдивостью Твоей».

«Присяжны преступив союзы,
 Поправши нагло святость прав,
 Царям наверхнуть тщится узы
 Желание чужих держав.
 Творец, возри в концы вселенны,
 Возри на зѣмли утесненны,
 На помощь страждущим восстань,
 Позволь для общего покою
 Под сильною Твоей рукою,
 Воздвигнуть против брани брань».

Императрица говорит, что после Шведской войны («как славны дал ты нам победы») приложила все силы к сохранению мира меж Россиею и другими державами, а также и у соседей, действуя, как системою «союзов», так и «страхом» военных «сил» своей страны. Однако, все ее усилия оказались напрасными, так как «общий покой» был нарушен неожиданным и ничем неоправдываемым насилием — автор разумеет занятие Фридрихом II Саксонии, причем «присяжны... союзы» были «преступлены», а «царям» была сделана попытка «наверхнуть... узы», во имя «желания чужих держав». Тогда России пришлось «воздвигнуть против брани брань», чтобы оказать «помощь страждущим» и восстановить «общий покой».

Из всего этого никак не явствует, что России, в понимании или изображении М. В. Ломоносова, угрожала от Пруссии какая либо опасность. Наоборот, он представляет дело так, что Россия вступила в войну лишь в общих интересах Европы.

В оде 1759 г. поэт говорит то же (строфа 8):

«Чтоб жить союзникам свободным,
 Жалея, двинулась войной;
 Узрев растерзанны союзы,
 Наверженные скиптрам узы,
 Рекла: как злых не укрочу;
 Алчбе их света не достанет:

Пуškai на гордых гнев мой грянет,
Сobleщет молния мечу».

О причинах войны в оде 1761 г. Ломоносов замечает (строфа 10):

«Едина токмо брань кровава
Принудила правдивой мечь
Противу гордости извлечь,
Как стену Росску грудь поставить
В защиту дружеских держав,
И от насильных рук избавить
В союзе верность показав».

Таким образом все тексты М. В. Ломоносова рисуют одну и ту же картину — вступление России в войну не из-за соображений страха перед дальнейшим усилением Пруссии или каких-либо корыстных расчетов, а единственно в целях организации прочного и справедливого мира в Европе с устранением всех насилий одного государства над другим или другими — значит, не в русских, а в их, «союзников», интересах.

В свете этого наблюдения нельзя не заметить, что в оде Петру III поэт почти нигде не высказывает своих старых утверждений о целях войны и вообще о них не говорит, даже не упоминает о союзниках, вместе с которыми и, по официальной версии и его же прежним выступлениям, из-за которых велась Россией война. Единственная строка оды, которую можно отнести к ним —

«Как общий ускоришь покой»,

горее относится к ним не столько как к субъектам, сколько как к объектам намечаемой им политики.

Поэтому естественно полагать, что на данном этапе войны и в связи с происшедшими в России переменами (вспомним так бы предсказание оды 1761 г.: «Обладает Петр!») автор не считал возможным ставить и обсуждать вопрос о войне и мире так, как это делал раньше — в ясном сочетании с вопросом о целях общей войны, — значит, и с вопросом о союзниках, об их участии в таком же общем, как была война, мире. В его «как общий ускоришь покой» звучит признание неизбежности отдельного от союзников, сепаратного мира, если нельзя будет быстро заключить общий мир.

М. В. Ломоносов по своей близости к руководящим русскою внешнею политикой кругам и лицам, вероятно, хотя бы в общих очертаниях, знал о тех чрезвычайных трудностях, которые до сих пор встречала старая русская постановка вопроса о мире не только в Пруссии, но и у союзников. Поэтому едва ли он мог думать, что сообразное ей заключение мира практически осуществимо. Скорее он был должен думать, что оно при данных конкретных условиях невозможно. Отсюда у него должна была держаться старая же мысль о необходимости продолжения войны, новых побед. Но он также не мог не знать, что при новой постановке молодым императором всего вопроса о войне и мире продолжение войны и новые победы мало вероятны, — пожалуй, даже невозможны.

Мне представляется, что именно так надо объяснять некоторую двойственность в постановке М. В. Ломоносовым в оде Петру III давнего вопроса о войне и мире.

Он знает, что мир будет заключен в ближайшее же время, хочет его заключения на базе старых русских требований аннексии восточной Пруссии, сознает трудность, даже невозможность, при данных условиях получить на такое основное русское требование согласие Пруссии, считает необходимым для его осуществления конечное ее поражение, но не верит в готовность императора продолжать войну. Отсюда и впечатление нерешительности всех его речей о продолжении войны и новых победах.

Может быть, следует обратить внимание и еще на одно обстоятельство. Строфы, посвященные вопросам внешней политики, — 16—20, — разрывают собою естественное течение авторских мыслей, а именно: строфа 14 начинается, а строфа 15 продолжает изображение «рая» на русской «земле», строфы 16—20 посвящены вопросам внешней политики и кончаются горделивым провозглашением будущего:

«Тогда в трудах Тебе любезных,
 Российским областям полезных,
 Все время будешь провозждать;
 И каждой день златого веку,
 Как долго можно человеку,
 Благодеяньями венчать...»

а следующая же строфа 21 продолжает описание уже существующего в России «рая» с изображением необыкновенной любви

населения к своему государю, уже в настоящем, а не будущем, вслед за чем идут авторские обращения к «Российскому радостному Сиону», «Голстинии» с ее «Цвейтином», «весне златой» и в заключение к «небес и всех веков «Зиждителяю». Если же мы присмотримся к постановке М. В. Ломоносовым общего вопроса о войне и мире в частях, обрамляющих строфы 16—20, и в них самих, то увидим, что в этих последних, так сказать, центральных строфах постановка вопроса иная, чем там: например, там враг «злодей» («Он постыдит, как ты злодеев»), здесь перед нами несчастная Германия, в образ которой объединены и союзники и враги; там перед нами «Голияфы» в стихах 22 строфы:

«Самсон, Давид и Соломон
В Петре тобою обладают
И Голияфов презирают...»

здесь тот же образ, здесь мысль об «отраде ...утомленных, избаве... раззоренных»; там неоднократно высказанная мысль о конечной победе, хотя бы в стихах о самом Петре III:

«Сильнее тигров Он и львов
Геройска бодрость в нем избрана:
Иссохнет на земли поцранны
Свирепость змиевых голов» (строфа 22),

а здесь забота об измученном враге.

Мне думается, что в уже готовую оду автор вклинил несколько новых строф, иного, чем те ее части, содержания. Новостью в них являются и планы широких агрессий на Восток, заменяющие собой отступление на Западе.

Повидимому, поэт не представлял себе, когда писал свою приветственную оду, по крайней мере, в сколько-нибудь точных очертаниях, грядущей внешней политики нового царствования. Трудность его положения осложнялась тем, что в манифесте Петра III о восшествии на престол не говорилось ни слова ни о войне, ни о мире, ни вообще о предстоящей политике молодого императора, а его обещание подражать Елизавете и «Петру Великому» — первой, правда, лишь в милосердии и щедрости, но второму во всем, — позволяло полагать, что война будет продолжаться до прочного водворения России на западной части восточноевропейских берегов Балтийского моря, меж тем как, конечно, такое понимание манифеста решительно противоречило

тому, что о своем новом государе знали близкие к автору правительственные и придворные круги, да в сущности был должен знать и он сам. Приходится думать, что он начал писать свою оду с одним и очень неожиданным представлением о наступающей новой полосе русской внешней политики, навеянном словами императорского манифеста, и лишь во время составления оды узнал о предстоящем ее изменении, — может быть, даже тогда, когда ода была целиком или хотя бы в основном уже закончена... Так, думается мне, надо понимать высказывания его оды Петру III по вопросам грядущей русской внешней политики.¹

Знал ли при этом М. В. Ломоносов о предстоящей новой войне — с Данией из-за Шлезвига? Вероятнее делать вывод, что он ещё не был осведомлен о замыслах Петра III воевать с нею в союзе с Пруссией. К сожалению, и строфа 23 с ее призывами к «Гольштинии» и «Цвейтину» не дает материала для решения этого вопроса, хотя в последнем обращении

«Ты к морю в празднестве стремишя,
Цветущий славою Цвейтин.
Хотя не силен ты водою;
Но радостью сравнись с Невною;
До Зунда шум твой распрости.
Соединенные Российским
Поставь по берегам Балтийским
Желаний верных Олтари», —

¹ Я бы не считал внешнюю политику Петра III столь нелепой и так противоречащей реальным интересам русского правительства, как ее, вообще говоря, очень склонны расценивать в нашей историографии. Дело в том, что переговоры с союзниками привели елизаветинское правительство к обязательству обменять выговоренную им в качестве компенсации России за участие в войне Пруссию на Курляндию у Польши. Но Петр рассчитывал приобрести Курляндию — правда, не в подданство, а «в протекцию» России — иным путем, а Пруссию, которой Россия по своим договорам с союзниками все равно никак не могла удержать, фактически обменять на Шлезвиг, занятие которого помимо не только согласия, но даже и содействия Пруссии, вообще говоря, было довольно затруднительно. Таким образом план Петра III в значительной мере, хотя и не сполна, обеспечивал русские интересы в Курляндии, как их понимали при елизаветинском дворе, и, кроме того, обещал значительные выгоды на Ютландском полуострове, где Россия к тому времени уже прочно стояла в его голштинских владениях.

может быть, протупает замаскированное возведение будущих военных операций против Дании: ведь, основная часть балтийского побережья Югландского полуострова и острова на Балтийском море принадлежала не Голштинии, а Дании; как же при таких условиях «Цветущий славою Цвейгин» мог распространить свой шум «до Зунда»? да и пространство морского побережья, на котором поэт зовет Цвейгин «ставить... олтари», и очень, в сущности, незначительно и прикрито от основного массива Балтики грудю Датских островов.

Так, в общих очертаниях и с необходимыми оговорками М. В. Ломоносов рисовал себе будущую внутреннюю и внешнюю политику Петра III. Однако вскоре же действительность показала ему ее с другой стороны, в ее практическом осуществлении и неразгаданных частях. К сожалению, в нашем распоряжении нет данных, чтобы в достаточной степени ясно представить себе его отношение к совершившимся в стране событиям, к внутренней и внешней политике императора. Биограф М. В. Ломоносова П. П. Пекарский давно и правильно отметил, что он «приостановился дальнейшими представлениями на своих недоброхотов из немцев и не настаивал более пред графом Разумовским о приведении в исполнение предложенных им крутых мер против помянутых врагов своих». «Теперь трудно сказать», заключал свое наблюдение П. П. Пекарский, «поступал ли так Ломоносов, имея в виду особенную склонность Петра III ко всем немцам, или же он хорошо видел, что в постоянную сумятицу, которою отличалось это кратковременное царствование, бесплодно было бы продолжать нападки, не имевшие успеха и в более спокойные времена».¹ Думается, что его первое предположение вероятнее второго: дело, конечно, было не в «сумятице», а в принципиально новой установке «кратковременного царствования» для всей совокупности проблем русской и внешней и внутренней политики.

Во всяком случае отношение М. В. Ломоносова к молодому императору, повидимому, менялось в сторону отрицательной оценки его деятельности. Известным показателем происходившей перемены является заключительная часть речи М. В. Ломоносова о катадиоптрической трубе, которую он должен был произнести в «Петров день» 1762 г. и ко дню праздника уже

¹ Пекарский, П. П. История имп. Академии Наук в Петербурге, II, СПб., 1873, стр. 762—63.

успел напечатать. Он говорил в ней, завершая свое учное изложение кратким словом в честь царствующего императора: «прошу вас быть... совершенно уверенными, что при покровительстве августейшего самодержца нашего Петра Третьего, наследника родовых добродетелей, с сонмом всех прочих наук возрастет и астрономия, которую блаженная памяти Петр Великий удостоивал особенным попечением, поддерживал и любил, и что славнейшая из муз Уrania утвердит преимущественно жилище свое в нашем отечестве. Августейший дом Петра, по укрощении военной бури, как солнце — среда движения планет и умеритель — да привлечет к себе, как к центру, все тела в системе целого мира, от него свет и теплоту заимствующие. Сии живейшие желания наши соединим с обетами всей империи российской в сей день, который уже почти целое столетие, после рождения Петра Великого, празднуется верноподданными при громогласных восклицаниях, рукоплесканиях и плясках. Сей день Петра, отца отечества и сына, возлюбленного государя, радостный и счастливый, с удвоенным торжеством да возвращается навсегда более радостным, более счастливым и да принесет в позднейшее потомство общее ненарушимое веселие».¹

Нельзя не сознаться, что в похвалах этой речи Петр III стоит бледною фигурою: о нем всего лишь сказано, что он — «наследник родовых добродетелей», «отец отечества и сын», «возлюбленный государь», да что его «день» — «радостный и счастливый», причем редакция всего отрывка такова, что не всегда сразу можно разделить, что собственно относится к самому Петру III и что должно быть отнесено к его «великому» одноименному деду и всему «августейшему дому Петра» — «Петрову дому» Ломоносовских од. Таким образом личные похвалы М. В. Ломоносова Петру III оказались и не многочисленны и, так сказать, не индивидуальны: ведь всякий император, пока он правит страню, есть *ex officio* «возлюбленный государь», всякий в официальном языке эпохи являлся «отцом отечества и сыном» и «наследником родовых добродетелей»; наконец, последнее наименование, при отсутствии других, определенно

¹ Новый магазин естественной истории, физики, химии и сведений экономических, ч. III, № 1, стр. 43—44 и 49—50, а также, с пропуском, у П. Пекарского, «История императорской Академии Наук в Петербурге», II, СПб., 1873, стр. 765—66, и целиком же в тексте и примечаниях III тома «Сочинений» М. В. Ломоносова, СПб., стр. 129—36 и 88—95.

индивидуального характера, как бы подчеркивает, что собственно о самом то лице, которому оно усвоено, сказать нечего. А между тем о Петре III к концу июня уже можно было сказать многое, так как его «кратковременное царствование» было полно не только «сумятицы», о которой говорит Пекарский, а и определенной новизны во всех областях правительственной деятельности внутри и вне государства. Значит, автор или не мог, или не хотел сказать этого. Он, и действительно не хотел сказать того, что мог сказать, и не мог сказать того, что хотел бы...¹

Как известно, М. В. Ломоносов не произнес своей речи, из которой приведена выписка, потому что ко времени академического празднества по случаю «Петрова дня» новый император стал уже «бывшим», а день, который ученый поэт воспел, как счастливый и радостный, стал для Петра III днем печалей и тревог.

Едва ли, впрочем, был спокоен и поэт, ибо ему теперь предстояло вступать на новый чреватый всякими опасностями путь.

Он начал его новой одой победительнице.

Надо думать, что когда он писал эту новую оду, он был в несколько лучшем положении, чем при сочинении оды побежденному бывшему императору. Дело в том, что ко времени ее составления он имел, самое меньшее, два манифеста Екатерины об ее восшествии на престол.

Императрица Екатерина, захватив русский трон вооруженною рукою, тотчас же, еще 28 июня, издала манифест о своем восшествии на престол. Как известно, он был составлен наспех, был очень краток и имел характер предварительного сообщения о совершившемся перевороте; он лишь будил любопытство слушателя, но даже не излагал событий, — обстоятельство, в силу которого императрице, вероятно, вскоре же пришлось подумать об издании второго, обстоятельного и объясняющего манифеста.

Таковой и, действительно, был ею или, что, может быть, вернее, при ее участии составлен и выпущен, с пометкою 6 июля. Прецедент к такому разделению осведомительно-агитационной работы Екатерина могла найти в деятельности Елиза-

¹ Такое впечатление особенно подкрепляется сопоставлением заключительных слов изучаемой речи М. В. Ломоносова с такими же заключительными словами его других речей, напечатанных в IV и V томах того же издания его сочинений (СПб., 1898 и 1902).

веты, которая, вступив на престол, тотчас же уведомила о том манифестом своих подданных, а позже вторым манифестом провела в их среде разъяснительную и агитационную (сама за себя) кампанию.¹

Манифест от 28 июня так намечает обстоятельства, создавшие необходимость переворота. Первое — вопросы церкви и веры. «Закон наш православной Греческой перво всего восчувствовал свое потрясение и истребление своих преданей церковных, так что церковь наша Греческая крайне уже подвержена оставалась последней своей опасности переменою древнего в России православия и принятием иноверного закона»; второе — «слава Российская, возведенная на высокую степень своим победоносным оружием, чрез многое свое кровопролитие заключением нового мира с самым ее злодеем отдана уже действительно в совершенное порабощение»; третье — «внутренние порядки, составляющие целость всего нашего отечества, испровержены». Отметив эти обстоятельства, манифест отмечает сложившуюся для «всех.. верноподданных.. опасность» и их «желание.. явное и нелицемерное» переворота. В заключение отмечает, что императрица «приняла Бога и Его правосудие себе в помощь».

Этот манифест, затрагивая три существенных пункта перемен в государственной жизни страны, ставил много вопросов и давал много материалов для догадок, ибо не содержал в себе никакого конкретного материала. Необходимость дать населению этот конкретный материал, конечно, тотчас же встала перед правительством, заговорщиками и Екатериной. Вероятно, работа по его составлению началась вскоре же после переворота, но она несомненно была ускорена убийством «бывшего императора» 6 июля 1762 г. Помеченный этим днем манифест, если не составлен целиком, то отредактирован и литературно оформлен несомненно именно в этот день и в часы, когда Екатерина, ее

¹ Елизавета, кроме манифеста, изданного тотчас же после переворота, издала через несколько дней (28 ноября) второй «с обстоятельным изъяснением ближайшего и преимущественного права ее величества на императорскую корону». Этот манифест, кроме изложения юридической стороны дела, дает и сведения о проступках отдельных лиц против Елизаветы, преимущественно Остермана и Анны Леопольдовны с мужем, везде выгораживая имп. Анну Иоанновну, ПСЗ, XI, стр. 542 и сл. Манифесты Екатерины: ПСЗ, XVI, стр. 3—4, «Осмнадцатый век. Исторический сборник, изд. П. Бартеневым», IV, М., 1869, и В. А. Бильбасов, «История Екатерины Второй», II, СПб., 1891, стр. 28 и 75—82.

сообщники по перевороту и помощники в управлении страной уже знали о гибели Петра III.

Манифест от 6 июля имеет двух героев: отрицательного, изображенного прямым образом и в очень резких чертах, низложенного императора Петра III, и положительного, нарисованного в скрадывающих тенях, намеками и отражениями, — Екатерину. Петр III манифеста — вовсе не только умственное и моральное ничтожество, ибо он совсем не лишен определенной индивидуальности, а его чувство, воля и мысль всегда согласно работают на злое. Он — нечто гораздо большее и худшее: сознательный злодей. Это можно заметить, хотя бы переглядывая перечень обвинений против него, который легко извлечь из манифеста.

Обвинения, которые манифест от 6 июля 1762 г. возводит на бывшего императора, распадаются на две группы. Первая состоит из обвинений личного характера:

1) Обнаружил «смалость духа к правлению столь великой империи» и не имел «собственного в том признания», 2) «Всеми своим страстям прежде повиновение рабское учинил и с такими качествами воцарился, нежели о благе вверенного себе государства помышлять начал». ¹ 3) Переходом к группе обвинений политического порядка является обвинение в «неблагодарности» к Елизавете (автор понимает здесь, кроме «опытов.. дерзновенной.. неблагодарности» в собственном смысле, «озлобления и ко многим.. печалам и оскорблениям.. причины», «презрение», невнимание при жизни и радость при смерти Елизаветы). ²

Группа обвинений политического характера включает в себя следующее:

1. «Ненависть к отечеству», которую в Петре, по словам манифеста, замечали еще при жизни Елизаветы! ³ 2. «Самовластие» и 3. «Оскорбление народа», о которых автор замечает: «Он возмечтал рода». 4. Нарушение законов и правил церкви и гонение на нее. 5. Презрение «законов естественных и гражданских», которое манифест находит в том, что Петр «при самом вступлении на Всероссийский престол не восхотел объявить... наследником престола» Павла, воздвиг «гонение» на него и самое Екатерину,

¹ «Осмнадцатый век», IV, стр. 217.

² Там же, IV, стр. 217—218.

³ Там же, IV, стр. 217.

замышляя Павлу «истребление», ей «погибель». Любопытно, что затем манифест говорит о каких-то мероприятиях Петра против Екатерины и, видимо, Павла в «народе» — правда, без достаточной ясности, а немного далее, что Петр III, за несколько часов до того, как вступить в переговоры с Екатериной «повеление давал действительно.. убить» ее, «о чем ей те самые заподлинно донесли, с истинным удостоверением, кому сие злодейство противу ее живота.. препоручено было делом самим исполнить». В этой связи небезинтересно и следующее обстоятельство. Манифест от 6 июля говорит, что «те, которые.. хотели благопристойное почтение.. яко своей истинной государыне, отдавать» Екатерине, «в опасности живота или по меньшей мере счастья своего находились». ¹ 6. Замыслы государственного переворота. «Вознамерился», говорит манифест, «или вовсе право, ему преданное от» Елизаветы «исповергнуть или отечество в чужие руки отдать». 7. Расстройство всего государственного порядка. Манифест дает такую характеристику «неутомимым и безрассудным.. трудам» Петра III «в таковых вредных государству учреждениях»: «Законы в государстве все пренебрег, судебные места и дела презрел и вовсе об них слышать не хотел, доходы государственные расточать начал бесполезными, но вредными государству издержками, ... возненавидел полки гвардии, освященным его предкам верно всегда служившие, превращать их начал в обряды неудобносимые, которые не токмо храбрости военной не умножали, но паче растравляли сердца болезненные всех верноподданных его войск, и усердно за веру и отечество служащих и кровь свою проливающих. Армию всю раздробил такими новыми законами, что будто бы не единого государя войско то было, но чтоб каждой в поле удобнее своего поборника губил, дав полкам иностранные, а иногда и развращенные виды, а не те, которые в ней единообразием составляют единоподушие». 8. Неправильная внешняя политика, о которой манифест замечает: «из войны кровопролитной начинал другую безвременную и государству Российскому крайне бесполезную». ²

Можно сказать, чудовищное нагромождение обвинений. Но в манифесте Екатерины от 6 июля удивляет не только нагромождение обвинений на бывшего и в момент его, если не составле-

¹ «Осмнадцатый век», IV, стр. 218—221.

² Там же, стр. 218—219.

ния, то по крайней мере опубликования, уже убитого императора, а и ловкость литературного оформления и агитационного использования этих обвинений. Чтобы еще сильнее оттенить его ничтожество и злобу, манифест противопоставляет Петру III «Петра Великого», рассказывая, как внук разрушил (манифест выразился бы «развратил») дело деда.¹ Оказывается, что, несмотря на все обещания Петра III в манифесте о восшествии на престол, у него с его «великим» дедом общего только имя и власть, которой дед пользовался умно и на пользу, а внук глупо и в явный вред стране. И манифест, пороча Петра III, делает важное политическое замечание: «Самовластие, необузданное добрыми и человеколюбивыми качествами в государе, владеющем самодержавно, есть такое зло, которое многим пагубным следствиям непосредственно бывает причиною»,² — и соответственно страшными оказываются итоги царствования Петра III, которые манифест формулирует словами: «отечество погибающее»...³

Екатерина подтверждает такое впечатление о Петре III, которое естественно слагается у читателя или слушателя ее манифеста, умелыми ссылками на всеобщее враждебное ему настроение.

На протяжении манифеста не один раз говорится об отношении подданных к поступкам Петра III, начиная от первого же делового абзаца, в котором уже сказано об их недовольстве Петром III; далее, упомянуто о сделанных ему с их стороны представлениях по делам веры, об их возмущении его замыслами «на гибель» Екатерине и «истребление» Павла, об их раздражении «развращением» дела «Петра Великого», которое он начал «неутомимо» проводить; об их новых обращениях к Екатерине в связи с обнаружением новых враждебных замыслов с его стороны. В заключение манифест говорит об отношении к нему народа, что его «неутомимые и безрассудные... труды в таковых вредных государству учреждениях столь чувствительно напоследок стали отвращать верность Российскую от подданства к нему, что ни единого в народе уже не оставалось, кто бы в голос с отвагою и без трепета не злословил его и кто бы не готов был на пролитие крови его».⁴

¹ «Осмнадцатый век», IV, стр. 219.

² Там же, стр. 217.

³ Там же, стр. 220.

⁴ Там же, стр. 219.

Но рядом с яркою и ненавистною в своем ничтожестве и злобе фигурою в манифесте стоит другая — Екатерина, представленная в самом розовом свете.

Откровенная агитация за Екатерину видна в том, как манифест рисует отношение к ней «народа». Начать с того, что он содержит следующее любопытное указание: «все прямо усыновленные своему отечеству» «скоро... обозрели в» Петре III «малость духа к правлению столь великой империи, однакож уповали на его собственное в том признание, а искали между тем... матернего в правительстве империи вспоможения» со стороны Екатерины.¹

Еще интереснее, что когда невозможность фактического соправительства Екатерины, по обстоятельствам от нее независящим, вполне выяснилась, тогда, по словам того же манифеста, начались замыслы «побудить» ее «к принятию бремени правительства», путем низложения императора и захвата власти в свои руки, причем «побуждали» ее, раскрывая ей замыслы Петра III против нее и Павла.²

Сообразно с этим манифест говорит, что «в народе» Екатерина и при Петре «не видела» ни одного, «кто бы» ей «добра не желал и кто бы» ей «не приносил своего подданства», но отмечает, что все же были «усерднейшие» к ней «или лучше сказать... отважнейшие к незакрытию своего усердия».³ Такие лица, по словам манифеста, и раскрывали ей замыслы Петра или воздавали ей подобающие почести и уважение. Соответственно с общим «народным» настроением, но под прямую угрозою гибели себе и сыну, как она это сама подчеркивает, Екатерина дала согласие «присланным от народа» и захватила престол.⁴

Манифест хочет представить дело так, что-мол переворот оказался очень легким делом, не встретившим сопротивления. Сама Екатерина в манифесте так говорит в присяге: «увидели желание всеобщее к верноподданству, которое нам все чины духовные, военные и гражданские всеохотнейшею присягою утвердили».⁵

Итак, «народ», или «отечество», любили Екатерину, хотели ее видеть царицей и звали ее на престол. Она приняла эту

¹ »Осмнадцатый век», IV, стр. 217.

² Там же, стр. 218—219.

³ Там же, стр. 220.

⁴ Там же, стр. 220.

⁵ Там же, стр. 220.

любовь и исполнила народное желание: взошла на престол. Она сознавала, что идет на большой риск; в манифесте она так говорит о действиях против Петра III: «отдали себя или на жертву за любезное отечество, которое от нас то себе заслужило, или на избавление его от мятежа и крайнего кровопролития».¹ Но она не могла не пойти на этот риск, потому что, будучи «великодушной», им отвечала на «любовь» «народа», или «отечества», к себе. Она так говорит об этом в манифесте: «.. Божиим подкреплением на такой страх поступили, какового только от нашего великодушия отечество наше за любовь его к нам требовать могло».²

Так она освящает переворот любовью к себе народа, но она привлекает и другой авторитет — покойную императрицу Елизавету — и, в явную противоположность неблагодарному и презрительному отношению к ней Петра III, так изображает свое к ней и ее к себе отношение: «.. наше к крови ее присвоенное сродство и истинное к ней усердие, так как и ее к нам чрезвычайная любовь»...³

Так, оправдав свое дело с обеих сторон, Екатерина дает понять, что она никоим образом не торопилась занять престол. Мимоходом она прямо определяет свое поведение как терпеливое: «видев наше терпеливое в гонении сердце», бросает манифест от 6 июля, рассказывая о том, как Екатерину, уговаривая на переворот, предупреждали о грозящей опасности.⁴

Но оправдав и освятив свой переворот, Екатерина замечает: «Таковым, Богу благодарение, действием престол самодержавный нашего любезного отечества приняли мы на себя без всякого кровопролития, но Бог един и любезное наше отечество чрез избранных своих нам помогали».⁵ Получается впечатление, что она приписывает победу переворота себе, а Богу и отечеству отводит на долю гораздо более скромную роль — просто лишь помощь себе, победительнице. То есть хочет сказать в заключение рассказа о перевороте, что на престол взошла сама собою, своим риском, своим вооруженным восстанием.

¹ «Осмнадцатый век», IV, стр. 220.

² Там же.

³ Там же, IV, стр. 218.

⁴ Там же, IV, стр. 219.

⁵ Там же, IV, стр. 222.

В том же манифесте Екатерина так определяет программу своего царствования в явную противоположность политике Петра III: «соблюдение нашего православного закона, .. укрепление и защищение любезного отечества, .. сохранение правосудия, .. искоренение зла и всяких неправд и утеснений» и вообще — «вся благая»; особенно Екатерина оговорила («наиторжественнейше обещаем нашим императорским словом») введение важнейшей правительственной реформы — «узаконить такие государственные установления, по когорым бы правительство любезного нашего отечества в своей силе и принадлежащих границах течение свое имело так, чтоб и в потомки каждое государственное место имело свои пределы и законы к соблюдению доброго во всем порядка, и тем уповаем предохранить целость Империи и нашей самодержавной власти, бывшим несчастьем несколько испроверженную, а прямых верноусердствующих своему отечеству вывести из уныния и оскорбления»,¹ — т. е., в конце концов, всего лишь создание планомерно действующего бюрократического аппарата, как опоры и послушного проводника велений самодержавной императорской власти. Таким образом самодержавие остается непоколебленным, даже закрепляется, но перестает быть «необузданным» самовластием ее мужа.

В этом перечне обещанных Екатериною благ многое ли должно было показаться приятным простодушным читателям и слушателям ее манифеста? Она, видимо, едва ли думала, что все. Несомненно одно, что широкая дворянская масса должна была восторженно принять ее обещания, ибо они гарантировали ей сохранение социально-политического status quo целиком. Более того, правильная налаженность бюрократического аппарата и гражданской службы открывала и ее молодежи и ее боевым ветеранам обширные поприща службы и «безгрешного» обогащения. Во всяком случае Екатерина сочла нужным, за явную недостаточностью ее обещаний для широких не дворянских, а народных, т. е. прежде всего крестьянских масс, кончая манифест, еще раз воззвать к чувству, — она говорит: «Наше искреннее и нелицемерное желание есть прямым делом доказать, сколь мы хотим быть достойны любви нашего народа, для которого признаваем себя быть возведенными на престол».²

¹ «Осмнадцатый век», IV, стр. 222.

² Там же.

Трудно в деталях сказать, как отнеслись к ее манифесту в момент его опубликования широкие народные круги, в которых ясное социально-политическое разумение боролось с вековой тьмой, но через десять с небольшим лет они ответили ей на него Пугачевским восстанием, в котором гнев поработенной массы проявился в полной мере.

Но изучаемый манифест Екатерины представляет интерес и в другом отношении: не только в смысле доказательства уму и чувству подданных полной необходимости переворота и определенной социально-политической направленности туманно расточаемых им обещаний, но и в смысле сознательного переложения Екатериною ответственности за гибель «бывшего императора» с себя на своих «знатных верноподданных».¹

Эта часть манифеста Екатерины от 6 июля поистине замечательна.

Так, самое указание на возможность для Петра III сопротивления совершившемуся перевороту и Екатерине, уже переставшей быть «мятежницею» (потому что она уже была признана войсками, флотом, сенатом, синодом, двором и дворянством), Екатерине, двигавшейся на него и на Ораниенбаум во главе сильного отряда, — прежде всего высылкает совершенно неожиданно и, во-вторых, едва ли соответствует действительности. Значит, рассказ о ликвидации этой возможности имеет, так сказать, определенное служебное значение. Его, кажется, достаточно легко вскрыть.

Во-первых, этот рассказ выдвигает боевую активность Екатерины. Женщина, она встала во главе войск и фактически завоевала себе престол. Она изображена как «героиня»; так ее и называет поэт. Но раз так, престол по праву и принадлежит ей, а не ее сыну Павлу, у которого к тому же нет никаких формальных прав на престол: ведь «бывший император» не захотел объявить его своим наследником. А затем — ясное дело, что, взяв себе оружием самодержавный престол, Екатерина и заняла его самодержидею. Итак, добыв престол, как Елизавета, она так же, как и та, садится на нем сама и ни с кем — ни с вельможами, ни с дворянством, ни даже с сыном — не будет делиться своею властью: будет, как бывали и до нее русские цари, императоры и императрицы, самодержавною.

¹ «Осмнадцатый век», IV, стр. 221—222.

Столь же существенно и второе. Екатерина говорит, что, ради спасения от «погубления» низверженным Петром III оказавшихся в его «руках» «знатных» «двора» ее «мужеска и женска» пола людей, она была готова ко многому бесполезному для отечества.. снисхождению — даже, «может быть», к тому чтобы «попустить.. прешедшее зло отчасти восстановить некоторым с ним примирением». Вероятно, это надо понимать так, что она согласилась бы «для избавления в руках его находящихся персон» от гибели, так сказать, на частичное восстановление его на престоле, в качестве своего соправителя. Однако, рассказывает она далее, в дело вмешались те из «знатных верноподданных», которые находились при ней, и, рискуя жизнью своих близких, настояли перед нею на переговорах с Петром III об его безусловной капитуляции на ее волю; приняв их настойчивое предложение, она потребовала от Петра III, «чтоб он добровольное, а не принужденное, отрицание письменное и своеручное от престола Российского в форме надлежащей, для спокойствия всеобщего.. прислал», на что он тотчас же и ответил присылкою такового. Этот рассказ прежде всего лишний раз демонстрирует образчик ловкости рук составителей манифеста, фальсифицировавших факты в целях пропаганды переворота и в частности в целях оправдания поведения самой Екатерины, создания ложного представления о ее достоинствах. Но, конечно, этот рассказ имеет и еще одно назначение: ведь «бывший император» уже погиб; народ через день, через два, узнает об его смерти; он, конечно, узнает неправду, и все же будет обвинять императрицу в его смерти; что же будет, когда он узнает правду об его смерти? а может быть слухи о ней и сейчас проползут в народную гущу? И манифест старается отвести обвинение в убийстве от императрицы на ее «знатных верноподданных»: ведь она хотела примирения с покойным, но они ей помешали помириться с ним... Но при этом он здесь же искусно принимает меры к тому, чтобы осуждение поведения и самих этих советчиков тоже не было сильно: ведь они, давая совет, рисковали своими близкими и родными, — значит, действовали бескорыстно; ведь они, давая ей его, хотели только благо отечеству, забывая о своем и своих; и если их совет оказался дурным и принес беду, что делать! Очевидно, такою была всеопределяющая воля божия, а они хотели только одного добра... И соответственно с этим в специальном манифесте от 7 июля 1762 г. о смерти

Петра III Екатерина излагает свои заботы о сохранении его жизни во время внезапно случившегося у него, хотя и ранее бывавшего, «геморроидического припадка» и зовет подданных без злобы отдать покойному последний долг: «всех верноподданных возбуждаем и увещеваем нашим императорским и матерним словом, дабы без злопамятствия всего прешедшего с телом его последнее учинили прощание и о спасении души его усердные к Богу приносили молитвы». Весь этот манифест проникнут очевидным лицемерием страха.¹

Так, все учитывая, манифест выводил своего автора на широкий простор самодержавной политики. Фикция избрания народом, к которой он прибегал, чтобы оправдать переворот, была только фикцией, — не более. Ее литературные корни — в аналогичных манифестах Елизаветы, которой все заверения в избрании никогда не мешали быть самодержицею. Можно было предвидеть, что ею будет и новая императрица. На другой же день, в манифесте от 7 июля о коронации Екатерина подчеркнула, что «восприняла.. престол.. самодержавно».²

Совершенно несомненно, что М. В. Ломоносов писал свою оду 1762 г. Екатерине II с учетом и под живым впечатлением ее манифестов от 28 июня и 6 июля. Об этом говорит не только тематика оды, но и сходство между нею и манифестом 6 июля в отдельных выражениях и образах. Не приводя сейчас здесь подробного строчного сопоставления оды с манифестами, сошлюсь на общеизвестные наблюдения М. И. Сухомлинова.

¹ Интересно отметить еще, что в указе сенату от 29 июня Екатерина, излагая те же соображения, ничего не говорит ни о своей боязни за находившихся в Ораниенбауме придворных, ни о своем человеколюбии, по которому-де она была способна на уступки и даже примирение, ни о совете «знатных верноподданных» об ответе Петру III на его «письмо». «Осмнадцатый век», IV, стр. 215.

² «Осмнадцатый век», IV, стр. 220 и 223. Манифест Елизаветы от 25 ноября 1741 г. говорит от ее имени: «все наши, как духовного, так и светского чина верные подданные, а особливо лейб-гвардии наши полки, всеподданнейше и единогласно нас просили, дабы мы... отеческий наш престол всемилостивейше воспрять соизволили», — что, действительно, Елизаветой и было учинено, как выражается от ее имени манифест, по их всеподданнейшему наших верных единогласному прошению». ПСЗ, XI, стр. 537—38. В Манифесте же от 28 ноября Елизавета также говорит, что всемилостивейше воспрять соизволила «родительский.. престол», «по всеподданнейшему.. всех.. верноподданных а наипаче я особливо лейб-гвардии.. полков прошению». ПСЗ, XI, стр. 543.

Но прежде одно замечание. В этой оде, на восшествие на престол Екатерины, автору пришлось преодолеть несколько очень существенных трудностей; из них главная заключалась в том, что он, в своей предыдущей оде на восшествие на трон теперь низверженного Екатериной Петра III, нарисовал очень яркими красками увлекательный образ молодого, как оказалось, кратковременного императора, увязав его и с покойною императрицею и самим патроном русского императорского дома Петром «Великим» и осыпав его и грохотом радостных приветствий и предвещаниями великого будущего и грандиозных достижений внутри и вне страны. Теперь, после катастрофического краха вчерашнего властелина, надо было уметь найти выход из создавшегося положения с оказавшимися не по адресу похвалами и предсказаниями. Мало того, было совершенно необходимо в поисках этого выхода сохранить свое лицо, чтобы не подпасть под укоры всякого, кто сопоставит обе оды.

Автор избрал для этого путь, который нельзя не признать довольно искусным. Он не выступил с прямым личным осуждением низвергнутого императора, как человека и правителя, но все же дал понять, что считает его виноватым и ответственным и, можно сказать, вдохновенно высказал целый ряд общих суждений о правителях, делах правления и основах всякой правительственной деятельности. Он далее осудил его словами того самого Петра «Великого», дух которого в оде на восшествие на престол Петра III дал новому императору столько великих и несбывшихся предсказаний. Но в глубокое отличие от той оды, здесь автор, выводя на сцену Петра «Великого», берет не радостные и торжественные тона явления, а нарочито мрачные: вместо небесного «храма» — гроб, вместо приветствий и торжествующей речи — горькие упреки тому же Петру III; впрочем, автор не называет его по имени или по титулу и только дает понять, что считает его лично ответственным за все, что совершилось в его царствование, словами строфы 8:

«На то ли вселюбезну Анну
В супружестве Я поручил,
Дабы чрез то Моя Россия»

— далее следует изложение основных итогов царствования только что низвергнутого императора устами Петра «Великого» высту-

пающего из мрачного гроба со своею обличительною речью: Россия, «под игом области чужия», утратила свое международное положение, более того, характер и значение самостоятельного государства, и вообще подверглась сильнейшему внутреннему разгрому, причем не только — все труды «несчетны» поколений и «приобретенные» ими «плоды» «разрушились и были тщетны», но и «сновы возрасли беды», а «радостная столица» Петербург оказался цитаделью «врагов», которые из него «тревожили дальные границы» империи (строфы 8—9). Какой потрясающий контраст с речью «духа Петрова» в оде Ломоносова на восшествие на престол Петра III, полной таких пышных предсказаний высоких успехов внутренней и внешней политики этого обновленного «Петра Великого»!...

Далее, в строфах 18 и 22 поэт дает понять, хотя прямо этого и не говорит, что Петр III не «знал Россами владеть», не любил ни их, ни их веры, вместо елизаветинских «льгот» дал им «тесноту»....

Но энергично разрушая им же самим созданный образ нового «великого» Петра, поэт рядом с его жалкими обломками воздвигает новый величественный образ — Екатерины. Так, в строфе 23 он утверждает, что Екатерина в свое время

«Елисавете подражала
В монарших высоте даров».

Ее ученица в трудном деле развития в себе этих высоких качеств, Екатерина подражала ей и в своем государственном перевороте, — во всяком случае устроила его так же, как та.

«Так шла на трон Елисавет»,

говорит он, описывая «революцию» 1762 г. словами «Невских Муз» (строфа 12).

Как в оде в честь Петра III Россия в его лице принимала возвратившегося на землю Петра «Великого», так здесь она принимает вернувшуюся его дочь Елизавету:

«Уже для обществу покрову,
Согласно всех душа готова
В ней дочь Петрову возвратить» (строфа 5).

Но и Петр III, в оде в его честь, был связан и сближен с Елизаветою. Тем, что теперь с нею сближена Екатерина, та связь ослаблена, может быть, даже оборвана. Но одного сближения с Елизаветою для Екатерины мало, потому что Петр III был сближен и с нею и с Петром «Великим». Поэтому поэт сближает ее и с женою Петра «Великого», Екатериною I. Первая же строфа начинается словами:

Внемлите все пределы света,
И ведайте, что может бог!
Воскресла нам Елисавета . . .
. . . . .
Она! или Екатерина!
Она из обоих одина!

Далее незаметным образом поэт сближает Екатерину и с Петром «Великим». Так, в ответ на горькие упреки «Петра Великого» низвергнутому императору, поэт в 10 строфе заверяет «тень великую», что русские люди «помнят тьмы его заслуг», что его «труд», который «разрушался» в самом недавнем прошлом, ныне «жив вокруг», что они «не предадут» его дела и его страны (поэт выражается, «любви») и отдадут за них «последнюю кровь», «спешат» собою «отечество покрыть» от всяких бед и опасностей «во след новой» его преемнице и очевидной продолжательнице его дела «премудрой героине любезной всем Екатерине». Так Петр «Великий» отрекается от своего внука, никак не называя его, и поэт, не говоря этого прямо, провозглашает преемницею и продолжательницею дела покойного «великого» императора новую императрицу Екатерину (строфа 10).

Итак, новая императрица сближена и связана не только с Елизаветою, но и с Екатериною I, и, кроме того, объявлена прямою продолжательницею дела самого патрона империи и императорского дома — Петра I. Ясно, что она — законный член «благословенного дома Петрова», и что в ее лице сейчас, так сказать, сосредоточены все права и обязанности «дома» в его прошлом, настоящем и будущем.

Вероятно, оглядываясь на «дом Петров» в его прошлом и перебирая в памяти правивших Россией его членов, поэт вспоминал, что после смерти Петра «Великого», все наиболее значительные и, с его точки зрения, положительные факты рус-

ской истории в пределах «дома Петрова» приходится на царствование женщин, а не мужчин: Екатерины I и Елизаветы, а не Петра II и Петра III. Отсюда его замечательные строфы о женском правлении на Руси и его значении для русского народа (строфы 2—5).

В них естественным образом Елизавета занимает центральное место, не только по расположению фигур, но и по существу. Для Екатерины I и II отмечено лишь по одному факту, к тому же, в сущности, весьма далекому от той глубоко внутренней «умеренности», о которой он говорит: Екатерине I он вменяет в заслугу находчивый «счастливый совет», которым она во время «умягчает» «военно сердце», в Екатерине II он высоко ценит «ослабу», которую своим «духом благородным» она дала природным русским людям. Ясно, что его идеал — не находчивая Екатерина I и не «благородная» Екатерина II, а «кроткая» Елизавета, умевшая, однако, сочетать с «царством мирным» «в войнах . . . славу». Но при этом он, очевидным образом, предвещает новой Екатерине синтез заслуг старой Екатерины и недавней Елизаветы. Впрочем, автор делает вывод из своих наблюдений не только в будущее, а и в живую современность. Дело в том, что он с очевидной и определенной целью в основных образах рисует картину, «счастия, . . . данного» «кроткими» «богинями» — императрицами «природным российским истинным сынам», которые со своей стороны «навыкли» «кротости» своих владычид-«богинь» и «вникли» «в счастье, ими данно», а «навыкнув» одному и «вникнув» в другое, естественно «судьбину тщились отвратить», но сделали это очень благодушно, с тою «умеренностью», к которой их приучил «кроткий» режим их дарующих «счастье» повелительниц-«богинь».

Здесь два оправдания происшедшего переворота — во-первых, в его «умеренности», во-вторых, в естественном для «природных российских истинных сынов» стремлении удержать отнимаемое у них «счастье». Итак, самый переворот оправдан полностью.

Что же касается совершившей этот переворот молодой императрицы, то чрезвычайно важно, что Ломоносов особо отметил еще в 1 строфе две черты начинающегося царствования, как он его себе рисовал, синтезируя в нем характерные для своего понимания русской жизни XVIII в. черты правления Екатерины I и Елизаветы:

«Ее и бодрость и восход
 Златой наукам век восставит,
 И от презрения избавит
 Возлюбленный Российский род».

Значит, новое царствование он рисует, как время расцвета научной деятельности и торжества русских перед иноземцами. Это не только оправдание Екатерины, но и первая наметка программы нового царствования.

Чтобы яснее приглядеться к ней, надо взглядеться, как автор представляет читателю самую Екатерину, синтезирующую в себе черты двух прежних императриц «Петрова дома» (именно «Петрова дома», а не дома царя Иоанна, почему им нигде и не названы ни императрица Анна, ни правительница Анна Леопольдовна). Выше отмечены две ее черты, «бодрость» (строфа 4) и «благородство» (строфа 5). Далее он перечисляет ряд черт ее облика и дважды дает ее общие характеристики. Так, из строф 7 и 16 мы узнаем об ее религиозности, строфа 10 называет ее «премудрой», строфа 24 «Минервой», строфа 12 отмечает ее «красоту» и вместе с 10 говорит о ней, как о «героине», строфа 23 вспоминает, как Екатерина «освобождала оскорбленных и ободряла униженных», строфа 24 прославляет ее, как мать и правительницу (о ней в последнем смысле и в других строфах), строфа 14 изображает ее благодетельным солнцем и, наконец, строфа 22 «признавает» в Екатерине

«В единой все доброты вдруг,
 Щедроты, веру, справедливость
 И с постоянством прозорливость
 И истинной геройской дух».

Мудрено ли, что, в его поэтическом изображении, вся Россия при таких высоких качествах Екатерины любила ее еще до ее восшествия на престол?

А между тем, Ломоносов подчеркивает, что именно эта любовь к Екатерине всей России и была действительною причиною ее победы в перевороте, — как, конечно, и параллельная любовь Екатерины к России. По крайней мере, именно так надо понимать стихи 7 строфы:

«Любовь твоя к Екатерине,
Екатеринына к тебе
Победу даровала ныне . . .»¹

Автор отмечает единодушие в приятии Екатерины императрицею: так «Невски музы» вспомнили, что «согласны мыслей всех союзы» («в великий оный громкий час» «веселый возвышали глас»), и что общая радость продолжалась и позже, — «как закрылся день», и сам автор называет Екатерину «Российскою отрадой», «желанием сердец» (строфы 11—13) и дает картины бурной радости Петербурга (строфа 15).

Оттого так я ликует народ, в «церквах, по стогнам, по домам» (строфа 15). Но оттого же торжествуют и чертоги знати. Оттого же радостна и церковь.

«Ликует церьков и чертог» (строфа 1).

Уже из этих слов видно, что М. В. Ломоносов особенно подчеркивает в перевороте торжество церкви.

Итак переворот — и переворот бескровный — совершился. Он принят массами народа, знатью, церковью. И М. В. Ломоносов старательно его освящает именем божьим и в начале и в средних строфах и в конце своей оды. А отмечая религиозное настроение народных масс, автор в строфе 16 говорит о нем и для Екатерины:

«Екатерина в божьем храме
С благоговением стоит.
Хвалу на небо высылает —

за помощь при занятии престола —

Что вышний крепкою десницей
Богиню нам подав царицей
От гибели невинных спас».

И, объясняющею «богиню» предпоследнего стиха,

«И купно сердце всех пылает
О целости ее и нас»

¹ Действительно, чья любовь к Екатерине и Екатеринына любовь к кому упомянуты в этих стихах? Естественно предположить по сопоставлению с предыдущим, что в этих словах речь идет о России, ее любви к Екатерине и Екатериныной любви к ней: как раз в конце предыдущей строфы поэт, сказав о неожиданном и противоестественном торжестве над русскими «победителями» «побежденных» «злюдеев»-врагов, восклицает:

«В тебе Россия нет примеру;
И ныне отвращен удар».

связывает воедино религиозный порыв императрицы с таким же настроением широких народных масс. Характерно, что одинаковая религиозная настроенность масс и императрицы по намеку Ломоносова объясняется одним тем, что «целости ее» и их угрожала одинаковая опасность.

Посмотрим, какую же программу действий во внутренней и внешней политике намечает М. В. Ломоносов для новой императрицы.

В основе это будет, судя по строфе 10, продолжение труда Петра «Великого», — грандиозного труда, который едва не «разрушил» кратковременный император Петр III. Автор нигде и никак не говорит об отдельных сторонах и проблемах новой внутренней политики; повидимому, он считал возможным ограничиться сравнениями и сближениями Екатерины с Петром «Великим» и женщинами из его дома и несколькими ламентациями очень общего характера. Так, он, конечно, ждал от новой императрицы большой культурной работы; на это прежде всего указывают строфы 2—5 с их изложением истории внедрения в российский род «начал» «умеренности», в итоге долгого правления на Руси «кротких» «богинь»-императриц «дома Петрова». Далее, в строфе 24 Ломоносов предсказывает в новом царствовании успех научной деятельности, искусств и просвещения. При этом он уже называет Екатерину Минервой (очевидно, ему было достаточно известно, что она любила говорить о своих чтениях):

«Науки ныне торжествуйте:
Взошла Минерва на престол.
Пермесски воды ликовствуйте,
Шумя крутитесь в злачный дол.
Вы в реки и в моря спешите,
И нашу радость возвестите
Лугам, горам и островам:
Скажите, что для просвещенья
Повсюду угвердит ученья,
Создав прекрасны храмы вам».¹

Конечно, его надо понимать так, что при новой императрице он ждет дальнейших успехов науки, искусств и просвещения не только вообще в России, но собственно среди русских людей —

¹ Любопытно, что по структуре эта строфа напоминает строфу 23 оды на восшествие на престол Петра III.

«Российского рода», или «природных Российских истинных сынов» — таких же, как он сам.

Несколько шире ставит вопросы внутренней политики знаменитая строфа 17:

«Услышьте судии земные
И все державные главы:
Законы нарушать святые
От буйности блюдитесь вы,
И подданных не презирайте,
Но их пороки исправляйте
Ученьем, милостью, трудом.
Вместите с правдою щедроту,
Народну наблюдайте льготу;
То бог благословит ваш дом»,

дает советы носителям верховной власти («Судии земные и все державные главы» — не может быть иначе принято), в сущности, по очень ограниченному кругу тем: 1) «блюстись» «от буйности» «законы нарушать святые», 2) «не презирать» «подданных», 3) «их пороки исправлять учением, милостью, трудом», 4) проявлять справедливость («правду»), по отношению к ним, 5) предоставлять им «льготы» и 6) проявлять в отношении к ним щедрость. Таким образом все содержание этого круга предписаний, пожалуй, касается следующих более общих положений: 1) сохранения нерушимыми действующих законов и постановлений, — вероятно, в особенности церковных, 2) соблюдения справедливости в судах и других учреждениях, 3) предоставления и сохранения различных «льгот» для населения, 4) уважения человеческого достоинства подданных, 5) организации разнообразных культурно-просветительных и промышленных работ и 6) проявления гумманности в отношении к населению.

В соседней строфе 18 поэт, как бы продолжая мысли предыдущей, советует «любить» подданных (он выразился «верных рабов») и их «веру», т. е. православную.

Строфы 19—21 посвящены проживающим в России иноземцам.

Автор прежде всего отмечает обширность предоставленных иноземцам в России прав:

«Довольство вольности златая,
Какой в других державах нет»,

указывает на внимание к ним «монархов» и согласие церковных властей («иерархов») на их службу в России по своей «вере», а затем переходит к их обличению: 1) они «вредили» «древний... закон» русской церкви, 2) вышли из положения, в которое были поставлены, из «пределов должности своей» и, приобретя власть, стали в «противность» самой «истины вещей» «считать» своими «рабами» русских и 3) составили замысел «над российским родом» — «к попраению» русского церковного «закона»,

«Российского к паденью трона,
К рушению народных прав».

Неясно, что разумел Ломоносов под вторым пунктом заговора иноземцев

«Российского к паденью трона».

Едва ли он мог серьезно думать о замыслах иноземцев установить в России республиканский или даже конституционный образ правления, или просто о захвате ими русского престола; едва ли он мог говорить и об их стремлении к гибели русского государства; но разуметь и публично высказывать все это он, конечно, мог, чтобы лишний раз бросить в широкие народные массы крепкий лозунг против нелюбимых им и ненавидящих народу иностранцев. Также не очень ясно, что имел в виду Ломоносов под «рушением народных прав» — третий пункт раскрываемого им замысла иноземцев: вероятнее всего, он разумел здесь подозреваемую им попытку иноземцев к захвату должностей, вообще всего правительственного аппарата, промышленности, торговли, земель с крепостными, всего того, чем обладать и пользоваться, с его точки зрения, должны были только одни русские люди... Несомненно, задачей нового правительства он считает введение иностранцев в те пределы поведения и социально-политической роли, которые он им наметил.

Знаменитая и замечательная строфа 6 очень выразительным образом рисует создавшееся при Петре III внутри и вне страны положение. Действительно, Россия, фактически победившая Пруссию и ее короля и даже занявшая силою оружия одну из самых важных областей враждебного государства, при новом императоре не только возвратила без всякого возмещения все свои завоевания и сама до известной степени вступила в русло прусской политики, но и внутри своей страны в некоторой мере

оказалась под властью пруссаков Гольда и Шверина, опиравшихся на императорских голштинцев, во главе с принцем Георгом, и русско-подданных ливонцев, культурою и службой тесно связанных с Пруссией и ее королем. Она должна быть обязательно сопоставлена со строфою 9, где «врагами населенный» Петербург изображен живою опасностью для всей страны и особенно ее границ.

Все это подводит к вопросу о том, как же рисовал М. В. Ломоносов внешнюю политику новой императрицы, в частности вопрос о продолжении датской и возобновлении Семилетней войны? Но автор молчит по этому вопросу и в общей форме и по частным его сюжетам, как молчат о том и манифесты императрицы Екатерины. Лишь строфа 13 говорит, но совсем без должной ясности:

«И буди от врагов ограда
Поставь опасностям конец;
И оправдай Елисавету,
Всему доказывая свету,
Что полная триумфов брань
Постыждена поносным миром,
И сопостат почтен кумиром
От нас приемлет в жертву дань».

Здесь первое — защита от «врагов», как внешних, так и внутренних, второе — ограждение от «бед», также, конечно, и внешних и внутренних, третье — повидимому, реабилитация Елизаветы путем широкой осведомительной работы в России и за границею и только. Никаких речей о продолжении одной и возобновлении другой войны здесь нет. В частности, очень показательно, что ни в этом месте оды, и нигде в другом нет никаких оскорбительных или унижающих выражений по адресу Фридриха, его армии, Пруссии и т. д., хотя та же Екатерина в первом манифесте и назвала Фридриха II «самым... злодеем» России.

Вот, кажется, и вся программа внутренней и внешней политики, с которою М. В. Ломоносов выступил перед новою императрицею. Надо отметить, что она, во-первых, совершенно не касается вопросов социального и политического порядка, и во-вторых, далеко не во всем, особенно в части внешней политики, ясна.

М. В. Ломоносов сопровождал ее несколькими дополнительными замечаниями, с ярко выраженным характером практических политических советов. Так, — и это, пожалуй, интереснее всего, — он тотчас же за установлением основных начал внутренней политики восклицает в 18 строфе:

«О коль велико, как прославят
 Монарха верные раби!
 О коль опасно, как оставят,
 От тесноты своей, в скорби!»

т. е. ясно увязывает внутреннюю политику «монарха» с настроением широких народных масс и ее, в ее обусловленности «льготою» или «теснотою», с судьбою самого монарха: либо вознесение, либо гибель — в зависимости от того, что он дал народу «льготы» или «тесноту».

Итак, монарх уже во имя своих личных интересов должен «народну наблюдать льготу» и устранять «тесноту» для народных масс... Поэтому Ломоносов и дает своей новой «монархине» следующий откровенный совет:

«Внимайте нашему примеру,
 Любите их...»,

т. е. «любите» для вашего собственного блага ваших подданных. Еще интереснее другой, слитый с этим совет:

«.... любите веру.
 Она свирепости узда,
 Сердца народов сопрягает
 И вам их верно покоряет,
 Твердее всякого щита» (строфа 18).

Параллельно с этим в строфе 22 Ломоносов особенно подчеркивает важность для «монарха» уметь «владеть россами», с очевидностью отмечая трудности этого дела:

«О коль монарх благополучен,
 Кто знает россами владеть!
 Он будет в свете славой звучен
 И всех сердца в руке иметь».

Очевидно, далее должно было бы следовать, по аналогии со строфой 18, указание на тяжесть положения «монарха», кото-

рый не «знает россами владеть», — но этого указания нет, а взамен его следует сделанное в очень решительных выражениях заявление по адресу Екатерины:

«Тебя толь счастливу считаем,
Богиня, в коей признаваем
В единой все доброты вдруг», и т. д.

— заявление об уверенности в том, что Екатерина «знает Россами владеть».

Но, в сущности говоря, и уверенность в Екатерине явно звучит скрытою угрозой.

Такою же угрозой, как эта к носителям верховной власти, он заканчивает свое обращение к иностранцам. Отвергая возможность успеха иностранцев в том, «что было над российским родом» ими «умышленно», Ломоносов ссылается на географию страны («обширность наших стран измерьте»), на русское прошлое («прочтите книги славных дней»), на собственные впечатления иностранцев («чувствам собственным поверьте») и, наконец, на боевую силу и героизм народа не только в прошлом, но и в настоящем:

«Исчислите тьму сильных босв,
Исчислите у нас героев
От земледельца до царя
В суде, в полках, в морях, и в селах,
В своих и на чужих пределах
И у святого олтаря» (строфа 21).

М. В. Ломоносов явственно показывает, что иностранцы не могут иметь на Руси того успеха, о котором они мечтают, и открыто грозит им за попытку осуществления ими своих замыслов.

Еще два замечания по содержанию оды. Во-первых, характерно, что обойденный переворотом Павел появляется лишь в предпоследней строфе оды; еще характернее, как он появляется: с между прочим брошенным указанием, что «спасен» переворотом «от сильных рук», с благословениями, пожеланиями, чтобы его «жизнь» была «прекрасна посреде наук», советом, как ребенку, «мужаться, в объятиях рожьдшей утешаться и бывши скорби забывать», с уверением, что «она», т. е. «рождьшая», Екатерина, «сама» все бури успокоит, щедротой, ревностью устроит» ему, Павлу и всему населению государства «прекрасный рай». Нигде ни слова, в каком бы то ни было порядке или смы-

сле, о предстоящих Павлу возможностях большой государственной работы, хотя бы только в прямую помощь матери (строфа 25).

Любопытно, что в этом отношении поэта к Павлу нет даже тех полупожеланий-полупредвещаний, которые находим в его стихотворении «Е. и. в. пресветлейшему государю великому князю Павлу Петровичу». . . («Россию предприяв ущедрить небеса». . .)¹ Во-вторых, последняя строфа 26 посвящена участникам переворота; они воспеты, без выделения кого-либо, например Гр. Орлова или братьев Орловых, из их среды.

Тематическое совпадение изложенной оды с манифестами Екатерины II очевидно; достаточно сопоставить между собою изученные отрывки манифеста и оды.

Казалось бы, Екатерина поэтому должна была быть довольна этою одою М. В. Ломоносова. Однако никаких известий о том, чтобы она осталась ею довольна, нет. Наоборот, между нею и им в течение долгого времени, несмотря на все его дипломатические ходы и славословия, несмотря также и на его более чем просто заметное положение в русских интеллигентных кругах, отношения остаются тяжелыми. Очевидно, императрица или была недовольна одою или, по крайней мере, недостаточно довольна ею.

Постараемся посмотреть, в чем заключалась причина такого отношения к ней императрицы.

Надо прежде всего отметить, что первая ода М. В. Ломоносова Екатерине говорит о низвергнутом императоре в очень выдержанных тонах: так, на всем ее протяжении нет ни одного слова, которое бы прямо и сильно задевало покойника. Правда, внимательно в нее вглядываясь, легко понять, что автор считает Петра III виновным в тех «бедах» и «опасностях», которые в его кратковременное царствование пришлось перенести стране или которые за это время для нее возникли, и ответственным за них. Но это понять можно, только внимательно вчитываясь в самую оду. При поверхностном же ее чтении вопрос о вине и ответственности «бывшего» императора не только не ставится, а даже выпадает из поля зрения.

Впрочем, едва ли это само по себе могло вызвать особенно сильное недовольство Екатерины, ибо она, конечно, отрицала за Ломоносовым, как и за всяким другим своим «всеподданнейшим рабом», право такой критики действий и такого опорачивания

¹ Сочинения, II, стр. 179—180.

личности Петра III, которые — и то, нарушая пример более тактической Елизаветы — она позволила себе. Но в изображении М. В. Ломоносова было другое: виновниками «бед» и «опасностей» на Руси оказывались при беглом чтении оды иностранцы, как внешние, пруссаки, о которых говорит строфа 6, хотя, впрочем, и не называя их виновниками, так и внутренние, которым посвящены строфы 19—21, причем строфа 9, кажется, охватывает и тех и других, рисуя захват ими правительственного центра страны:

«На то ль воздвиг я град священный,
 Дабы врагами населенный
 Россиянам ужасен был,
 И вместо радостной столицы
 Тревожил дальные границы,
 Которы я распространил».

Получается впечатление, что внешние и внутренние иностранцы — и недавние враги пруссаки, и сомнительные друзья голштинцы и, главное, русские иноземцы — все согласно объединились в одном страшном политическом заговоре на государственную целостность и даже политическую независимость России. Такое впечатление от стихов популярного поэта могло просочиться в разные группы населения, образцы догадками, примыслами и толками и породить, особенно в социальных низах, при наличии воздействий и внушений заинтересованных кругов, сильное движение против находящихся на государственной службе или торгующих в России иностранцев. К тому же строфы 19 и 20 содержали и другие, с точки зрения того времени весьма тяжелые, обвинения против иностранцев, которые также могли быть использованы в агитации против них среди социальных низов и обострить отношение последних к иностранцам русской службы, торгова, ремесла или промысла в России. Поэтому страстные филиппики против них М. В. Ломоносова могли вызвать у Екатерины, определенным образом покровительствовавшей этим проживающим в России иноземцам, лишь очень отрицательное отношение и весьма сильное недовольство, — тем более, что М. В. Ломоносов не ограничился одними обвинениями и перешел на прямые угрозы русским иностранцам.

И еще одно. М. В. Ломоносов блистательно использовал ряд мест манифестов Екатерины для прекрасных и сильных стрóf 17 и 18, но он придал им характер поучения не назад, Петру III,

а вперед, Екатерине. Этот новый характер, которого использованные места в манифестах отнюдь не имели, конечно, не могли задеть Екатерину: нуждалась ли она в таких поучениях и смел ли ей их давать ее «всеподданнейший раб», хотя бы и в сильном поэтическом увлечении? Наконец, в строфе 22 М. В. Ломоносов прямо и неприкрыто заговорил об умении «россами владеть», т. е. об известном искусстве в установлении своего владычества у «россов», в некотором приноровлении к «россам», в некотором «россов» обмане. Он давал понять, что покойный император совсем не умел, и заявлял, что Екатерина умест «владеть россами». Это могло быть ею понято как известный упрек в политической неискренности, который еще горше должен был показаться ей в строфе 18 с советами любить «верных рабов» и их «веру». Первые за любовь к ним «прославят монарха», а за «тесноту» его «оставят... в скорби». Вторая

«... свирепости узда,
Сердца народов сопрягает
И вам их верно покоряет,
Твердее всякого щита».

Екатерина, которая, действительно, отличалась политическим тактом и исключительною неискренностью в политических отношениях и так же понимала, как Ломоносов, реальное значение «любви» монарха к его «верным рабам» и их «вере», могла увидеть в этих строфах М. В. Ломоносова свой портрет и остро почувствовать себя всенародно разоблаченной поэтом.

Циник с близкими, она умела быть искусным лицемером с дальними и не любила, когда с нее срывали маску благочестия и прямоты. Как же было ей оставаться довольной его одой? И как ей было считать своею — политическую программу, которую он дал в этой оде?

Наконец в строфах 18 и 22 Екатерина могла вычитать и другое — угрозу судьбою Петра III, — на случай, если и она, вопреки своим обещаниям и надеждам поэта, не станет любить своих «верных рабов» и их «веру» и даст им «тесноту», вместо льгот. Как же было молодой императрице мириться с такою угрозою, — тем более, ее прощать? И не казался ли и ей и тем, кто ее окружал, бунтовщиком «всеподданнейший раб», дерзнувший высказать такую угрозу?